

RU

Комическое в критической рефлексии «молодой редакции» «Москвитянина» (1850-1856)

Абалуева С. Н.

Аннотация. Целью исследования является понимание категории комического «молодой редакцией» «Москвитянина» (1850-1856 гг.), которое опиралось на ее стремление создать фундамент национальной эстетики. Используются ранее не привлекавшие внимания ученых литературно-критические тексты «молодых москвитянинцев», значительно углубляющие знания об идейно-эстетической борьбе 1850-х годов - о малоизученном периоде развития русской литературы и эстетической мысли, чем и достигается научная новизна исследования. В результате выявлены аспекты славянофильского толкования сатиры и юмора, позволяющие выявить грани функционирования комического в художественной литературе. Взятые в контексте поиска самовыражения национального духа и национального характера, сатира и юмор помогают раскрытию нравственного идеала.

EN

Critical Reflection of the Comical among “Young Editorial Board” Members of “Moskvityanin” (“The Muscovite”) Magazine (1850-1856)

Abalueva S. N.

Abstract. The paper aims to reveal the understanding of the comical among “young editorial board” members of “Moskvityanin” (“The Muscovite”) magazine (1850-1856). This understanding was based on their aspiration to create a basis of national aesthetics. Scientific originality of the study lies in the fact that the researcher introduces into scientific circulation previously unpublished materials - literary critical articles of the “young editorial board” members providing deeper understanding of aesthetic and ideological struggle of the 1850s - a poorly investigated period in the history of Russian literature and aesthetic thought. The research findings are as follows: the author reveals Slavophilic understanding of satire and humour, which allows identifying specificity of the comical functioning in fiction. Considered in the context of national spirit and national character, satire and humour help to reveal moral ideal.

Введение

Актуальность исследования проистекает из необходимости конкретно и глубоко исследовать программные теоретические и литературно-критические установки «молодой редакции» «Москвитянина» (1850-1856 гг.). Молодые редакторы поднимали принципиально важные эстетические и этические вопросы, которые значимы для анализа и оценки художественных произведений 1850-х гг. и требуют дополнительного освещения в научных исследованиях. Объект исследования – национально-специфическое, выделяемое молодыми славянофилами в составе комического. Предметом анализа послужили литературно-критические статьи журнала «Москвитянин» за период 1850-1856 гг. В рамках определенной выше цели предполагается решение задач: 1) проанализировать контекст, в рамках которого формировались взгляды «молодой редакции» на проблему комического и его роль в литературе; 2) раскрыть сущность комического в понимании молодых сотрудников «Москвитянина».

В работе используются социокультурный метод, а также метод целостного анализа текста, включающий в себя оценку и интерпретацию исследуемого материала.

Теоретической базой служат собственно труды славянофилов (Шевырев, 1841; Аксаков, 1995) и исследователей в области их эстетических взглядов (Кошелев, 1984) и славянофильской «духовной эстетики» (Мехтиев, 2004).

Практическая значимость работы заключается в том, что материалы статьи могут быть использованы в вузовском изучении курсов по истории и теории литературной критики, а в перспективе – в дальнейших исследованиях развития эстетических идей в России.

Основная часть

В пределах исследования специфики понимания категории комического «молодой редакцией» особое внимание уделяется аспектам восприятия творчества Н. В. Гоголя, понятого и интерпретируемого с точки зрения выражения в них пафоса комического. Являясь наследниками эстетической мысли предыдущего десятилетия, молодые «москвитянинцы» стремились к синтезу накопленных идей. Они во многом отталкивались от, как им казалось, нерешенных литературных вопросов 1840-х гг. «50-е годы – период, когда кристаллизовалось наследие предшествующего десятилетия, когда актуализировались практически все главные проблемы, публичное обсуждение которых было прервано в конце 40-х годов, в годы наибольшего ужесточения николаевского режима» (Русская эстетика и критика..., 1982, с. 7). Неслучайно полемика Белинского, яркого представителя именуемой в то время «западной эстетики», со славянофилами так или иначе нашла продолжение в статьях журнала «Москвитянин» начала 1850-х годов. Poleмика тех лет в ее существенных чертах развернулась вокруг приемов и социальной функции сатиры.

Творчество Н. В. Гоголя в 1840-х гг. получило двойное осмысление. С одной стороны, его произведения рассматривали с позиции «натуральной школы», в качестве образцов, по которым формировались приемы представителей данной школы. С другой стороны, славянофилы стремились дать свою оценку художественному миру Гоголя, признавая главными именно духовные начала его творчества. Для них он был «сатирик-христианин», который оставался «внутреннее неудовлетворенным результатами поисков идеала» (Кулешов, 1970, с. 207, 210).

Оценки гоголевских произведений затрагивали вопросы соотношения «объективного» и «субъективного» в литературе, целей искусства и задач литературной критики. В. А. Кошелев (1984) в своей работе, посвященной рассмотрению эстетических и литературных воззрений славянофилов, показал, что взгляд на категорию комического неотделим от главного для полемики «натуральной школы» со славянофилами вопроса о соотношении субъекта и действительности. В ходе анализа статей К. С. Аксакова и В. Белинского он выделил двойственное восприятие смешного славянофилами. Для К. Аксакова первый тип юмора – это «насмешка над действительностью», так как реальность искажена «субъективностью автора»; второй тип – «естественное и полное восприятие действительности». «Внешнее выделение Аксаковым двух типов юмора напоминало тогдашнее разделение Белинским сатиры» как чего-то «одностороннего, грубо тенденциозного» и юмора, который доступен только «глубокой и развитой личности» (с. 128). Таким образом, сатирическое произведение выходит за рамки привычного «несерьезного» восприятия и получает статус произведения с глубоким внутренним смыслом. Для славянофилов было важно, что смешное у Гоголя, послужившее причиной легкомысленного отношения читателей к нему, в действительности не смешно; смешное у писателя лишь оболочка, за которой кроется нечто серьезное. В кругу, близком славянофилам, идея «смеяться недостаткам, он ими огорчается» проводилась весьма последовательно (с. 116). Славянофилы в комическом изображении недостатков улавливали трагизм несовершенства человеческой природы. Умение предъявить читателю те бытийные моменты, которые идут вразрез с нравственными понятиями и чувствами, составляет воспитывающую сторону искусства. Однако настояние на выражении искусством высших ценностей нивелирует роль авторской субъективности в произведении. Разоблачение человеческих пороков требует от писателя определенного уровня духовности, но не личной позиции. Авторская субъективность становится неважной, поскольку писатель опирается на авторитет национальной традиции и религии.

Белинский же, напротив, требовал личного начала, рефлексии в творчестве, он вел «борьбу за честь и достоинство личности», желая чувствовать в произведениях «социально-личностный пафос» (Кулешов, 1970, с. 27-28). Это особенно заметно в его статьях о романе и стихотворениях Лермонтова, также послуживших поводом для ожесточенной полемики со славянофилами, предпочитавшими в суждениях о произведениях поэта, как казалось Белинскому, «моралистическую» точку зрения. Уже отмечено, что «критик не отрицал “порочность” и даже “преступность” многих героев поэта, хотя и косвенно, признавал в них обаяние и энергию зла. Но, анализируя “Героя нашего времени” и “Стихотворения М. Лермонтова”, Белинский находил обоснование “демонизму” героев поэта в уникальной противоречивости собственной личности, с такой же силой, как Лермонтов, ощущал в себе “демона”. В статье о лермонтовских стихотворениях Белинский, в основном, сосредоточился на тех лирических картинах, где в наибольшей степени выразился лермонтовский “субъективный элемент”, отчасти потому, что он полемически апеллировал к негативному их восприятию со стороны консервативной критики; и отчасти потому, что ему было близко трагическое выражение “духовной дисгармонии”, “сердечного отчаяния”. Несмотря на то, что Белинскому по праву принадлежит ряд пронизательных суждений и наблюдений о творчестве Лермонтова, он был одним из самых субъективных его читателей. Это замечали его оппоненты с самого начала». Белинский «указывал в творчестве Лермонтова на те же самые черты (холодная апатия, эгоизм, демонизм, “сатанинская гордыня” и т.д.), что его идеологические противники, но стремился придать этим чертам существенно иной смысл» (Мехтиев, 2004, с. 97-98).

Славянофильская трактовка искусства склонялась к «христианской эстетике»: произведения должны вести читателей к пониманию истины, добра, красоты и духовности, к причастности себя Богу, к поиску в себе нравственных начал. В. Г. Мехтиев (2018) отмечает, что славянофилы «проецировали на эстетику константы национального образа мышления», призывали «следовать традициям национальной литературы и “эстетики христианской”, дающим возможность подняться от эстетического любования красотой до ее духовного созерцания. <...> Эстетическое созерцание в сплоченности с духовностью ведет к прозрению Христовой любви

и веры» (с. 10, 29). Так, С. П. Шевырев (1841) в рецензии на книгу «Христианская философия. Беседы Баадера» писал следующее: «В любви к красоте должно отличать начало духовное от эгоистического, ведущего к кумиролужению перед красотой, которое проповедуется новыми эстетиками. В этом различии должен быть зародыш эстетики христианской... В нас два чувства: чувство низшее и чувство высшее, чувство эгоистическое, жизненное, и чувство духовное... Из первого – страсти; из второго... пророчества, видения любви, веры» (с. 389). Взгляд на творчество Гоголя со стороны «эстетики христианской» привел к иному пониманию роли сатирического элемента в искусстве, чем это было принято в критике, ориентированной прежде всего на западную эстетику.

Вот эту традицию критической оценки литературы, опирающуюся на религиозную аксиологию, продолжила молодая редакция «Москвитянина». «На новость положений мы не имеем притязаний: на серьезность и искренность убеждений, может быть и старых, но нами усвоенных и принятых за истинные, – без сомнения, имеем и должны иметь», – лаконично высказался А. Григорьев в 1851 г. (1851а, с. 338), тем самым обозначая основную линию поведения журнала в условиях новой литературной ситуации.

В 1852 г. появилась статья «Несколько замечаний о причинах особенных успехов сатирической поэзии в России» (без указания авторства). Обличение пошлости и невежества в русской литературе отчасти объясняется исторически сложившимися обстоятельствами, когда литература послепетровской эпохи «должна была выставить реакцию против старых предрассудков, ложности образования и других зол» в форме «сатиры и комедии» (с. 26). Но этим не исчерпывается ответ на вопрос об обличительной тенденции в современной литературе. Ответ надо искать в особенностях самого русского характера. В нем заключены не всегда осознанные, но неизменные нравственные законы и ориентиры, понятия об истинном и должном, что в переводе на понятный язык означает: «жить по совести». Этот «пробный камень для оценивания явлений жизни» русский человек применяет к себе и к обстоятельствам. Отсюда его склонность замечать «преимущественно недостатки человека, ими поражаться сильнее, чем похвальными качествами». Русский человек свои поступки соотносит не с истиной, а правдой, руководствуется не логикой, а сердцем. «Правда и есть мерило и оправдание» (Мехтиев, 2018, с. 11). Эта природная «строгость к самому себе и другим» – «основной источник сатирической поэзии» (Несколько замечаний..., 1852, с. 35). Сатира, таким образом, не является чем-то заимствованным или вновь приобретенным. Она органична национальному духу и потому связывает весь литературный процесс воедино. Но в обличающем смехе всегда присутствует нота печали. Читатель смеется над нелепостью и несообразностью характеров и обстоятельств и при этом грустит и сожалеет по тому разумному и настоящему, которое в них не воплотилось. Нравственный голос подает знак: «Вам смешно, но при этом жалко, тяжко смотреть»; «в то самое время, как вы хотите, ваше сердце наполняется тоскою»; «в душе такие чувства и думы, которые шемят сердце и заставляют болезненно скорбеть о самих себе» (с. 37-38). Комическое при таком понимании открывается с двух сторон. Оно обнажает 1) противоречие между идеальным и сущим, что служит поводом для смеха, и 2) тоску по идеалу, что сближает его с трагическим.

Так думали и другие младославянофилы. Анализируя указанные качества юмора Гоголя, «великим народным поэтом» его назвал А. Григорьев (1851b, с. 610). Он, говоря о писателе, употреблял выражение «человек с истинно русской душой». Григорьев считал, что идеал красоты и правды, который изображает Гоголь, нас самих «связывает незримой связью с бесконечным». В начале своего творчества Гоголь наполнен любовью к красоте и жизни. Эта любовь сквозит в описании украинских ночей и всей природы. Он ищет идеал в окружающей жизни, но его заслоняют собой общественные пороки и человеческие недостатки. Отношение писателя к пошлой действительности «выразилось в юморе, и при этом в юморе страстном, гиперболическом» (Григорьев, 1853, с. 18, 21), как реакции на отсутствии красоты и гармонии в общественном укладе.

Григорьев выделял два вида юмора у Гоголя. Один этап творчества Гоголя подарил нам произведения с юмором обличающим, который «лечит» общество, помогая людям увидеть себя со стороны. В этом юморе «очевидны сквозь смех слезы» (с. 25), в которых – грусть автора по ускользнувшим истинным красоте и смыслу жизни. Дар писателя проявляется в умении показать действительность цельно и полно «во всем многообразии дурного и хорошего». Однако вторая сторона характера Гоголя – «сосредоточенно-страстная, тонко чувствующая, болезненно раздражительная», «на которую все противоречия идеалу действуют болезненно» (с. 20, 25), – породила другой вид смеха. В поздние годы своей жизни неверие в то, что идеал существует, взрастило в писателе душевный недуг, и юмор позднего Гоголя Григорьев называет «болезненным». Этот смех не грустный, а страшный, поскольку смеющийся лишен надежды.

По мнению А. Григорьева, в творчестве и личности Гоголя резко обозначаются «две черты». С одной стороны, способность писателя отражать действительность «во всем бесконечном разнообразии»; с другой стороны, Гоголь – «натура в высшей степени страстная». «Эта сосредоточенная страстность, эта способность болезненно, то есть слишком чутко, отзываться на все и составляет вместе с постоянным стремлением к идеалу особенный цвет гоголевской гениальности» (с. 21-25). Эти две черты характера Гоголя, обуславливающие особенные свойства его юмора, являются для Григорьева «ключом» к пониманию современного ему развития русской литературы.

Для «молодой редакции» первая черта гоголевского таланта – «отражать Божий мир» объективно и правдиво, пытаясь посредством юмора улучшить мир, – дает поистине верное направление литературе. В таком подходе молодые критики видят исконно русское начало, связь с русской духовностью, а следовательно, правильную наследственную линию развития национальной литературы. Как герой русских сказок, который, будучи на стороне добра и правды, всегда побеждает зло, писатель, неся в себе идеал красоты и правды, помогает людям бороться со своими пороками. Вторая же черта – болезненно, с мучительными мыслями и раздражительным самоедством переживать несоответствие действительного положения вещей духовному идеалу – дала

толчок к развитию «натуральной (“петербургской”) школы». Многие представители данной школы, по мысли молодых редакторов «Москвитянина», довели «болезненный юмор» позднего Гоголя до крайности, «до безобразия, оставленного красотой и правдой» (с. 27).

Для членов «молодой редакции» «петербургское направление» является тупиковым в развитии литературного процесса, инородным веянием, мешающим русской литературе самобытно развиваться. В более поздних статьях Григорьев будет не раз касаться данного вопроса, рассматривая «творчество писателей “натуральной школы” как продолжение и углубление “субъективности” романтизма» (Мехтиев, 2004, с. 183). Это «лихорадочно тревожное веяние», по мысли Григорьева, должно было пройти. Молодым писателям следовало продолжать линию восприятия мира молодого Гоголя с его пафосом любви к жизни, прислушиваться к своей «настоящей натуре», «живым чутьем» художника понимать и раскрывать «жизненную правду», помогая духовному развитию общества.

Заключение

Таким образом, критиками «Москвитянина» комическому отводилась большая роль в развитии русской литературы. Юмор для них стал одной из определяющих черт русского национального характера, проявляющейся в творчестве даровитых писателей и выполнявшей функцию помощи в духовном росте. Авторская эмоциональность, выраженная в разных видах смеха: обличающем или «болезненном», – дает возможность критикам делить произведения по характеру наличия/отсутствия в них духовного идеала и разводить их по разным «направлениям» внутри формировавшегося русского реализма.

Перспективы дальнейшей работы заключаются в более глубоком исследовании развития эстетических идей в России.

Источники | References

1. Аксаков К. С. Эстетика и литературная критика. М.: Искусство, 1995.
2. Григорьев А. А. Русская изящная литература в 1852 году // Москвитянин. 1853. Т. 1. № 1.
3. Григорьев А. А. Современник. № 6. Июнь. № 7. Июль // Москвитянин. 1851а. Т. 4. № 8.
4. Григорьев А. А. Статья Проспера Мериме о Гоголе // Москвитянин. 1851b. Т. 6.
5. Кошелев В. А. Эстетические и литературные воззрения русских славянофилов (1840-1850-е гг.). Л.: Наука, 1984.
6. Кулешов В. И. Славянофилы и русская литература. М.: Художественная литература, 1970.
7. Мехтиев В. Г. Журнал «Маяк»: духовная оппозиция эстетическим идеям журналистики 1840-х гг. и романтизму М. Ю. Лермонтова: монография. Хабаровск: Изд-во ХГПУ, 2004.
8. Мехтиев В. Г. Эстетические и художественные грани классической традиции: монография. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2018.
9. Несколько замечаний о причинах особенных успехов сатирической поэзии в России // Москвитянин. 1852. Т. 4. № 13.
10. Русская эстетика и критика 40-50-х гг. XIX века / текст, вступ. статья и прим. В. К. Кантора и А. Л. Осповата. М.: Искусство, 1982.
11. Шевырев С. П. Христианская философия. Беседы Баадера // Москвитянин. 1841. Т. 3. № 6.

Информация об авторах | Author information

Абалуева Снежана Николаевна¹

¹ Тихоокеанский государственный университет, г. Хабаровск

Abalueva Snezhana Nikolaevna¹

¹ Pacific National University, Khabarovsk

¹ abaluevasnezana@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 08.11.2021; опубликовано (published): 28.12.2021.

Ключевые слова (keywords): молодая редакция «Москвитянина»; комическое; творчество Гоголя; славянофилы; Аполлон Григорьев; “young editorial board” members of “Moskvityanin” (“The Muscovite”) magazine; the comical; Gogol’s creative work; Slavophiles; Apollon Grigoryev.